

Конопкин А.М. Идеологизированная наука в СССР как форма псевдонауки // Mundus Intelligibilis. – Ульяновск: 2007. – с. 51-61.

Идеологизированная наука в СССР как форма псевдонауки

Конопкин А.

В этой статье рассказывается о идеологизированной науке в СССР, раскрываются ее характерные черты, некоторые идеологические кампании против науки, а также выделяется специфика этой формы псевдонауки. Кроме того, для более четкого понимания сути идеологизированной науки, высказывается несколько соображений по поводу различия между моральными и идеологическими требованиями к науке.

Псевдонаука разнообразна, и формы ее проявления сложно даже перечислить - астрология, магия, знахарство, изготовление фальшивых лекарств и чудо-приборов, махинации с научными степенями и званиями, недобросовестное отношение к этике ученого и др. К сожалению, наша страна тоже внесла свой сомнительный вклад в эту область, показав одну из наиболее ярких за всю историю форм идеологизированной науки.

Нужно сразу оговориться, что идеологизированная наука существовала в разной степени в разных странах и в разные эпохи; так, идеологизированной была наука в средние века, когда стремление к истине как знания подменялось соответствием христианской картине мира, в фашистской Германии продукты деятельности ученых должны были соответствовать расовым теориям германских идеологов. Таким образом, было бы несправедливо утверждать, что идеологизированная наука существовала только в СССР.

В чем специфика идеологизированной науки в ряду других форм псевдонауки? «Обычная» псевдонаука не всегда основана на недобросовестности; часто ученый, породивший псевдонаучную теорию, уверен, что она вполне соответствует критериям научности. Если он стремится постичь истины и остаётся в поле науки, то у него есть возможность направить свои исследования в плодотворное русло. Идеологизированная же наука всегда недобросовестна и основана на убеждении, что научные критерии должны соответствовать определенным критериям из сферы идеологии. Таким образом, истина теории как соответствие критериям научности вообще не берется во внимание. С таких позиций, отвержению подлежат теории, не подходящие по партийно-идеологическому критерию к господствующей в обществе догматической идеологии и картине мира.

В СССР такой идеологией стала философия диалектического материализма, причем в сталинской интерпретации. "Диалектический материализм в его краткой сталинской редакции ... был не просто конкретным философским учением, но монолитной системой, претендовавшей на абсолютную истинность и, больше того, официальную идеологию, регламентирующую все сферы личной и общественной деятельности". [Юлдашев, 2001, стр. 132-138]. Не укладывающиеся в эти не слишком гибкие рамки теории, пусть даже дискуссионные, научно не опровергнутые, отвергались с «философских» позиций. При этом, если ученые, занимающиеся подвергшейся атаке теорией (а то и целой дисциплиной, как это было в случае генетики), не могли защитить ее, то дальнейшие ее разработки запрещались ввиду идеологических соображений.

Что же такое идеология? В книге Л.Г. Юлдашева «Исповедь идеологов. Размышления о книге...» идеология определяется как "учение о социальном идеале, его природе, содержании, закономерностях формирования и реализации, воплощенном в новом обществе". [Юлдашев, 2001, стр. 146]. В более простом определении под идеологией понимают систему взглядов, характерных для социальных групп, классов и т.д. В любом определении идеология выступает как взгляды, рисующие некий идеал; применительно к практике идеология применяется как цель, ставящаяся перед людьми. С помощью идеологии выявляются отклонения явлений, существующих в действительности, от их идеального образа, такого, каким его себе представляет идеология. В случае с советской наукой искались отклонения не только от марксистско-ленинско-сталинской философии (которая и высту-

пала как идеология), но и от принципов большевистской солидарности, строителей коммунизма и др.

Ясно, что в этом вопросе нужно проводить различие между моралью и идеологией. Наука не существует вне общества, ученые сами члены общества и хотя бы в силу этого подвержены влиянию морали, не говоря уже о требованиях морального характера со стороны общества. В силу этого можно подумать, что наука вообще не имеет свободы и поэтому неравномерно выделять идеологизированную и неидеологизированную науку в любом случае наука подвержена влиянию, будь то со стороны морали или идеологии. Однако между этими требованиями нельзя ставить знак равенства. Идеологи, «оценчивая» научную теорию, ни в никакой мере не задумываются о том, каков ее потенциал, не интересуется их ни ее оценки специалистами в данной области, ни возможные последствия для общества данной теории. «Оценка» происходит только из оценки совместимости теории с идеологическими требованиями, часто надуманными, книжными. При таком повороте легко Может быть принята теория, несущая большие потери обществу, или попросту безнравственная.

Так, для советской идеологии приемлемыми были эксперименты, направленные на скрещивание обезьян и человека. Дело в том, что теория Дарвина, выступая одним из фундаментов материалистического мировоззрения, и возведенная советским марксизмом в догмат, не могла объяснить перехода от обезьяны к человеку. Археологи никак не могли найти промежуточное звено между обезьяной и человеком, организм, сочетавший в себе признаки и того, и другого. Советская наука решила восполнить досадный пробел в эволюции и получить такой гибрид искусственно. Ясно, что такие поиски противоречат моральным нормам (причем любым нормам, будь то светские или религиозные), но отлично укладываются в нормы идеологические. Ясно и то, что идеологические нормы легко могут быть чужды моральным нормам, это видно на данном примере.

В отличие от этого подхода, моральная фильтрация научных теорий как раз и заостряет внимание на вопросах этического характера, которые здесь принципиально важны. Вопросы морального характера к науке всегда возникают от лица огромного количества людей, а не небольшой группы идеологов. В этом случае вопросы имеют большой вес, действительно задают нечто существенное в жизни общества, а не надуманное. Нужно признать, что и мораль не всегда видит пользу в полном и всестороннем исследовании какого-либо вопроса. Есть немало вопросов, которые табуированы, и хотя их исследование крайне интересно и возможно, тем не менее, именно исходя из моральных норм, на них накладывается запрет.

Однако из чего исходит этот запрет? Из желания общего блага, в том числе и для тех же ученых. Здесь над стремлением к истине ставится целесообразность. Если попытаться выразить эту мысль афористично, то истина не всегда целесообразна, а целесообразное не всегда истинно.

В то же время, часто основанием для морального ограничения исследований выступает отнюдь не желание всеобщего блага, а желание сохра-

нить привычную картину мира (такая позиция часто прикрывается первым). Вопрос уважения к такой позиции и ее учету дискусионен.

Таким образом, мораль или общественный заказ в любом случае делают науку зависимой, ставя над ее стремлением к истинности более важный для людей критерий знания - целесообразности.

Переходя от абстрактных рассуждений о механизмах взаимодействия науки и общества к рассмотрению феномена идеологизированной науки в СССР, отметим несколько особенностей этой науки. Уникальной в своем роде особенностью советской идеологизированной науки является то, что она затронула не только гуманитарные, но и естественные науки, которые традиционно были вне идеологии. О роли науки в то время высказывался Г.А. Арбатов: "Тоталитарному строю настоящая наука... не нужна и опасна. Нужны точные, естественные науки... что касается общественно-знания, то ... роль его низводится до вулгарного прислуживания режиму, его обоснования, оправдания и восхваления его политики". [Юлдашев, 2001, стр. 39]. Что особенно тяжело осознавать, то это то, что автора сложно упрекать в излишней резкости - сказанное им действительно имело место.

Другая особенность - проведение широкомасштабных кампаний, затрагивающих все сферы жизни общества. Как особенность можно отметить и двойственность положения советской науки - с одной стороны, были большие финансовые инвестиции, с другой, ученые были под постоянным идеологическим, административным контролем.

В чем же выразился этот контроль? Он выразился в ликвидации свободы слова и установлении марксизма как государственной идеологии. Причем он фактически занял место религии, став некой светской религией, не допускавшей сомнения в своих догмах.

Помимо постоянного давления идеологии, характерно для СССР было проведение быстрых и скоротечных кампаний, затрагивавших все сферы общества, в том числе и науку. Начинаясь в одной области, кампания захватывала и все общество, в том числе и области культуры.

Все идеологические кампании сталинской эпохи можно поделить на две части: кампании конца 20-х - начала 30-х и послевоенные - конца 40-х - начала 50-х. Идеологические кампании 20-х - 30-х годов были связаны с поиском врагов народа, вредителей, а также со сталинскими «чистками». В послевоенные 40-е в связи с началом «холодной войны» было проведено множество кампаний, направленных на сплочение советского народа и поиском западных шпионов, космополитов и антипатриотов. Порочность этих кампаний постфактум видна и в том, что возглавлены они были политиками от науки, зачастую самими настоящими вредителями и антипатриотами. Порожденные не столько объективной необходимостью, сколько подозрительностью Сталина, эти кампании привели к запустению целых областей науки, и общему росту атмосферы страха и подозрительности, губящей всякую инициативу. Налицо стала и изоляция советской науки от мировой.

Так, например, на рубеже 20-30-х годов была проведена кампания разоблачения вредителей на производстве. Сталин решил, что за многочисленные аварии на производстве ответственен не износ техники, ее несовершенство или человеческий фактор, а наличие целого класса вредителей, сознательно портящих продукцию и орудия труда. Соответственно, стоило только искоренить этот класс, как производство бы наладилось. Тотальность кампаний проявилась здесь в том, что стоило начаться кампании по поиску вредителей на производстве, как Э.Кольман провозгласил борьбу с вредителями в науке.

В конце 30-х годов началась кампания борьбы с «врагами народа» как оправдание сталинских «чисток» рядов партии и общества. Она привела к уничтожению, как врагов народа, ряда крупных отечественных физиков, таких как М.П.Бронштейн, Л.В.Шубников, член-корреспондент АН СССР Я.Н.Шпильрейн, В.Р.Бурсиан, Вс.К.Фредерикс, член-корреспондент АН СССР В.С.Игнатовский, С.П.Шубин, А.А.Витт и мн. др. Чудом удалось вытащить из тюрем членов-корреспондентов АН СССР В.А.Фока, Ю.А.Круткова, П.И.Лукирского, И.В.Обреимова, профессоров Л.Д.Ландау, Ю.Б.Румера. Несколько лет ссылки отбывал Д.Д.Иваненко.

Атмосфера идеологической нетерпимости привела к эмиграции после 1917 г. многих талантливых ученых и деятелей культуры, таких как И.Сикорский (вертолетостроение), А.Н.Прокофьев-Северский (самолетостроение), В.К.Зворыкин (телевидение), академики АН СССР В.Н.Ипатьев и А.Н.Чичибабин, член-корреспондент АН СССР Г.Гамова. Некоторые ученые, наоборот, приезжали из-за рубежа, привлеченные инвестициями в науку в СССР или спасаясь от преследований на родине. Так, немецкий физик Ф.Г.Хоутерманс приехал в союз, спасаясь от преследований гестапо, однако во время репрессий был выдан в Германию. Другой немецкий физик - Г.Гельман был расстрелян в союзе.

Может показаться, что несколько десятков расстрелянных ученых и сотня-другая сосланных не так существенны на фоне репрессированных миллионов - деятелей партии, армии, простых граждан. Однако, глядя на этот список, нужно принять во внимание, что в науке, как нигде больше, вероятно, высока «цена человека». В науке как раз можно говорить о «незаменимых людях»; человек, достигший реальных научных высот, занимающийся исследованиями за гранью известного, всегда уникальный специалист. Как правило, из сотен людей, работающих в какой-либо области науки, всего несколько человек делают в ней нечто действительно принципиально новое. Чтобы обескровить эту область, необязательно уничтожать десятки ученых, занимающихся «нормальной» наукой, тем более что на их роль обычно находятся другие. Достаточно уничтожить как раз тех 3-4-х ведущих ученых, и остальные, оставшись без новых идей, начнут топтаться на месте. Идеи, догадки, интуитивные мнения, некие планы, наметки будущей деятельности, мнения о перспективных направлениях исследования обычно уходят невосполнимо вместе с большим ученым. Поэтому в науке так высока цена кадра.

Как пример политизирования показателен пример физики, которая в 40-50-е годы находилась в центре внимания из-за работ по созданию атомного оружия. Вследствие этого ее решили сделать образцово-показательной и в плане идеологическом.

Дискуссия в физике начиналась как часть борьбы с «физическим идеализмом», шедшей в философии (дискуссия 1947 года о книге Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии"). Идеалистическими теориями в физике считались тогда теория относительности Эйнштейна и квантовая механика. Идеологическим «обоснованием» такого отношения было то, что западный капитализм, считающийся загнивающим, должен в этой стадии производить такие же научные теории, с которыми следует бороться с материалистических позиций... Соображение метафизическое в худшем смысле слова.

Во втором номере «Вопросов философии», 1947 г. была опубликована статья академика М.А.Маркова "О природе физического знания" как раз о квантовой механике. Марков посвятил статью специфике квантовой теории, принципу дополнительности, роли прибора в исследовании микромира, модельным и немодельным представлениям, роли математики, понятие физической реальности, полнота нашей картины микромира, анализируя эти вопросы с позиций диалектического материализма.

Главным критиком выступил Максимов, который словно задался целью воскресить наихудшие традиции 30-х годов. Характерна для атмосферы тех лет его критика философии и научных идей Бора: «Боровское истолкование соотношения неточностей квантовой механики есть отход от материализма», а «философские воззрения Н.Бора - типичный продукт идеологической реакции, порождаемой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские воззрения Н.Бора - тот самый нежизнеспособный продукт, отброс, который подлежит, по определению Ленина, отправке в помещение для нечистот», - декларировал Максимов [Максимов, 1948, с.3].

Кроме того, по мнению Максимова, Марков впадает в агностицизм и идеализм, и поэтому в его выступлении "мы имеем апологетику буржуазных идеалистических воззрений, типичный пример раболепия перед враждебной большевизму идеологией... Позиция, на которой стоят Н.Бор и М.А.Марков и которую пропагандировала редакция журнала "Вопросы философии", закрывает путь для материалистического обобщения данных современной физики, сбивает наши кадры с пути материализма на путь идеализма и метафизики" [Вопросы философии, 1948, с.227-228].

Ясно видно, какими критериями пользуется Максимов для отвержения теории - соответствием материализму и идеологии. То, что саму [теорию] опровергнуть он не в состоянии, автора не смущает.

После выхода в свет статьи Максимова редакторы «Вопросов философии» опубликовали несколько статей по этой «дискуссии». Интересна реакция ученых на статьи Маркова и Максимова. Несколько авторов (Д.С. Данин, М.В. Волькенштейн и М.Г. Веселое), открыто поддержали Марко-

ва, указывая на многочисленные ошибки Максимова. Известный физик Д.И. Блохинцев тоже высказал достаточно позитивные взгляды на интерпретацию квантовой механики, выдвинутую Марковым. Была и критика - Л.И. Сторчак указывал на «антропоморфизм» Маркова в естествознании как результат его акцента на роль «наблюдателя». Все это укладывается в рамки научной дискуссии. Л вот такие «ученые», как И.К. Крушев, В.Л. Михайлов в качестве критики указали на игнорирование Марковым партийной лояльности, или партийности. (Грэхем, 1991, стр.324).

Считалось, что Запад с помощью научных теорий, противоречащих марксизму - ленинизму, пытается идеологически повлиять на СССР. Поэтому, если Марков вслед за Бором провозглашает «фальшивую идею о неразрывной координации микрообъекта со взаимодействующим с ним прибором», то он поддерживает не просто неклассическую теорию отношений субъекта и объекта, а «идею, которая используется современной реакционной философией для борьбы против марксизма-ленинизма...» [Вопросы философии, 1948, с. 233].

И на следующей странице характерные «причины пороков» концепции Маркова: «Таковы коренные пороки концепции М.А.Маркова, - говорится в конце редакционной статьи. В чем же причины этих пороков? Причина заключается в недостаточном уяснении Марковым основ марксистско-ленинской философии, в нарушении большевистского принципа партийности науки, в некритическом восприятии физических теорий современных буржуазных ученых. В качестве базы... он принял развитую Н.Бором "теорию дополнительности"... на самом же деле "теория дополнительности" Бора служит верой и правдой идеализму, поставляя ему материал для борьбы против материализма, и находится в противоречии с подлинным содержанием квантовой механики... Уклон М.А.Маркова на идеализм под влиянием воззрений Н.Бора является проявлением космополитических шатаний некоторой прослойки советских физиков, рупором которой стал М.А.Марков. Не вооружившись великими идеями марксистско-ленинской теории, не опираясь на материалистические традиции русского естествознания и русской философии. М.А.Марков раболепно склонил свою голову перед реакционной идеалистической философией...» и т.д. и т.п. [Вопросы философии, 1948, с.234 235].

Характерно и то, как власть решила помочь искоренению "физического идеализма": после выпуска первого номера за 1948 год с материалами дискуссии редколлегия "Вопросов философии", пытавшаяся придерживаться нейтралитета, была расформирована. Несогласные с официальной линией, уже предопределившей отношение к идеям Маркова и Бора, просто потеряли возможность высказываться. Очевидно, что ни о какой свободе слова и культуре дискуссии здесь не идет и речи.

Начавшаяся «холодная война» срочно требовала консолидации советского общества. В этой обстановке была неуместна послевоенная радость от победы, чувство общности с союзниками по коалиции и явное потепление отношений союза с миром (первое после революции 17-го го-

да). Такую атмосферу доверия было решено разрушить на всех уровнях общества, в том числе и в науке.

Неизбежным следствием холодной войны стал всплеск патриотических кампаний в СССР и США, приведший в США к антикоммунистической "охоте на ведьм" в период маккартизма, административным и судебным репрессиям против лидеров компартии США в 1949 году. Логика противостояния с Западом диктовала усиление борьбы за советский патриотизм, против низкопоклонства перед Западом, борьбы против космополитизма, идеологическим обоснованием которой служила фраза К.Маркса о космополитичности буржуазии. Борьба с космополитизмом в науке выразилась в:

- борьбу с тезисом "мировой науки";
- закрытии отечественных журналов, выходивших на иностранных языках;
- отказе от членства в иностранных научных обществах;
- опоре на собственную "стотысячную армию ученых";
- повышенное внимание к истории отечественной науки.

Академик Г.Ф.Александров, еще недавно сам раскритикованный за книгу по истории философии, начал кампанию против космополитов. На страницах журнала «Вопросы философии» он писал, что «под прикрытием старого космополитического тряпья правящей зарубежной империалистической клике удобнее пытаться выбить из рук пролетариата оружие защиты его интересов, разоружить рабочие массы в борьбе против капитализма, ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран, подавить революционное движение рабочего класса» [Вопросы философии, 1948, с. 177].

Был найден и первый «безродный космополит» Б.М.Кедров. В чем же состояли «страшные грехи» Кедрова? В книге «Энгельс и естествознание» Кедров имел неосторожность заявить, что «не считает вопросы приоритета существенными для истории науки», а национальность ученого является «посторонним науке соображением» [Вопросы философии, 1948, с.230]. «Делая такие заявления, писал Александров, - т. Кедров прямо вступает в противоречие с основами нашей советской идеологии, с той работой, которую проводит наша партия по коммунистическому, патриотическому воспитанию трудящихся» [Вопросы философии, 1948, с. 188].

Показательна борьба против самой идеи мировой науки, выраженная, например, в статье А.Зворыкина «О советском патриотизме в науке» в журнале «Большевик». В статье утверждалось, что «рассуждения об абстрактной вненациональной мировой науке особенно вредны сейчас, поскольку они используются реакционными силами для умаления и отрицания вклада в науку тех наций, которые избраны англо-американскими империалистами в качестве объектов агрессии» [цит. по Сонин, 1991, с. 103]. Это «умаление и отрицание» есть «проявление классово-ненависти к народу, победоносно строящему коммунизм» [цит. по Сонин, 1991, с. 103]. Поэтому следует постоянно подчеркивать приоритет нашей науки перед буржуазной, ибо «передовая советская наука борется под руководством

большевистской партии за светлые идеалы Ленина - Сталина» [цит. по Сонин, 1991, с.103].

Поэтому приоритет в открытиях насаждался любимыми средствами. Ломоносов объявлялся открывателем закона сохранения и превращения энергии или более общего «закона Ломоносова», утверждавшего «закон сохранения и неуничтожаемости материи, движения и силы в отдельности», а Лобачевский - чуть ли не основоположником теории относительности. Каждому мало-мальски значительному открытию «буржуазных» ученых тут же противопоставлялся наш отечественный первооткрыватель. Тогда-то и родился знаменитый анекдот о «России - родине слонов».

По мнению Вавилова, конкретное проявление космополитизма выражается в «прямом презрении к собственной науке, к собственным достижениям» [цит. по Сонин, 1991, с. 105]. Космополиты считают, что «наша наука даже не второго, а третьего или четвертого сорта, что настоящая наука английская, американская, немецкая и, до известной степени, французская» [цит. по Сонин, 1991, с. 105]. Космополиты предпочитают печататься в иностранных журналах. В их обзорах цитируется преимущественно иностранная литература. У себя же дома они хвалят только узкий круг своих коллег, свою лабораторию, не признавая заслуги других.

Всё это тем более печально, ведь российская наука со времени своего становления была теснейшим образом связана с мировой и, прежде всего, европейской. Первые ученые в МГУ и Академии наук были иностранцами, веками дети дворян получали образование за границей, да и в России жили и работали многие иностранные ученые. Ясно, что при такой истории вообще вся российская культура была тесно связана с европейской. Теперь же предлагалось порвать эти вековые связи. Вместо этого предлагалось абсурдное деление науки по национальностям, хотя очевидно, что и в то время наука давно прошла ту стадию, когда могла развиваться в одной стране. Заниматься наукой, не зная достижений коллег и постоянно открывая велосипед, не имея возможности предоставить свое открытие для проверки всему сообществу - абсурдное занятие.

Принципиальным в те годы оказывался вопрос, на каком языке выступать за рубежом. Так, известный физиолог академик В.И.Палладин на Международном конгрессе настоял, чтобы наши ученые делали доклады на русском языке. А вот физик и химик Н.В.Агеев на Международном конгрессе химиков согласился делать доклад на английском, что и ставилось ему в вину. Даже участие в иностранных научных обществах становилось подозрительным. Советские ученые вынуждены были в такой обстановке выходить из иностранных обществ против своего желания, в свою очередь многие иностранцы были показательны исключены из отечественных обществ.

На физическом факультете МГУ в 1948 году коллектив профессоров и преподавателей подготовил рукопись книги «Очерки по истории физики в России». Ученый совет факультета рассмотрел рукопись на своем заседании, и здесь выяснилось, что автор двух ее глав, профессор З.А.Цейтлин,

неверно и антипатриотически освещает русскую науку. В чем же это проявилось? Оказывается, унижительно называть русского ученого Лобачевского последователем немецкого математика К. Гаусса! Не понравилось ученому совету и мнение Цейтлина о том, что в науке вопрос приоритета вторичен, первичен же поиск истины.

В 1948 г. вышел в свет первый том «Истории физики», написанный доцентом Тамбовского педагогического института П.С.Кудрявцевым. Это был первый советский учебник по истории физики. Эта книга была раскритикована тем же Б.М. Кедровым, который сам недавно был обвинен в космополитизме. Рецензия на него появилась в 1950 г. в газете «Культура и жизнь».

По мнению Кедрова, родоначальником современной электротехники должен быть назван не Фарадей, а русский ученый В.В.Петров. Хотя совершенно ясно, что по своему вкладу в электротехнику эти фигуры несопоставимы. С рецензией выступил еще один известный борец с «космополитизмом» доцент В.Ф.Ноздрев. «Последние постановления нашей партии, - начал он, - еще раз заставляют нас обратить внимание на исторические вопросы. Но нам, конечно, необходима не всякая история. Нам необходима марксистско-ленинская история развития русской науки. Поэтому вопрос о приоритете русской науки имеет исключительно большое значение. Мне не понравилось выступление проф. Цейтлина, который сказал, что вопрос приоритета - это вопрос второстепенный... Мне думается, что эта точка зрения неправильная, порочная. По существу, такая постановка вопроса приводит к космополитическим взглядам... Статья «О развитии физики в России от Ломоносова до второй половины XIX века» пронизана космополитическими идеями» [цит. по Сонин, 1991, с. 107].

Одним из апофеозов кампании по борьбе с космополитизмом стала юбилейная сессия Академии наук 1949 года, посвященная истории отечественной науки. На ней под аплодисменты были исключены: почетный член Академии наук СССР, президент Английской королевской общества физиолог Генри Дейл (он написал письмо с отказом от членства в Академии после сессии ВАСХНИЛ), член-корреспонденты американский генетик Генри Дж. Мюллер и норвежский филолог Олаф Брок. Г.Дейл был лауреатом Нобелевской премии по биологии, но научные достижения в этой политической чистке рядов во внимание не принимались.

Вскоре были закрыты журналы «Acta physicochimica USSR» и «Journal of the Physics USSR». Эти журналы, выходившие с 1932 г. на иностранных языках, пропагандировали достижения советской науки за рубежом.

Помимо упомянутых кампаний, проводились и другие - в химии, знаменитая эпопея Лысенко в биологии и генетике. В результате кампаний против собственной науки она понесла большие кадровые потери. Произошло возрождение худших инквизиционных традиций средневековья. На фоне большого числа погибших людей даже неловко вспоминать тех, кто поплатился «всего-то» местом работы, научной карьерой или уже был

арестован и этим фактически приговорен к тюрьме или расстрелу, но был вытаскен еще влиятельными коллегами.

Ущербом для физики стала многолетняя потеря времени в изучении квантовой механики, теории относительности. Прогресс химии был несколько приостановлен кампанией против теории химического резонанса, хотя она продолжала существовать в завуалированном виде. Потери, сопоставимые с физикой, понесла генетика, которая была просто запрещена в СССР, а медико-генетический институт закрыт. Что еще важнее этого, была потеряна целая школа генетиков, которые шли вровень с мировой наукой; эту потерю впоследствии было особенно трудно исправить.

Кампании способствовали уменьшению идейного плюрализма в науке, насаждение марксизма-ленинизма привело к искоренению даже робких попыток критического рассмотрения этой теории. Это насаждение привело к тому, что фактически любое самостоятельное творчество в философии прекратилось. Как говорил Л.Н. Митрохин в книге «Исповедь идеологов...»: "Главный вывод из размышлений над темой очевиден: партийной власти... философия была не нужна. Просто она была категорически несовместима с тогдашним идеологическим деспотизмом" (Юлдашев, 2001, стр.148). Сама атмосфера страха и подозрительности не способствовала, естественно, научному творчеству.

В качестве общих последствий можно отметить дискредитацию образа некоторых наук в общественном сознании, замедление или остановку развития вследствие отсутствия научной свободы. Кроме того, ополоски тех событий были видны и дальше - скажем, когда взгляды некоторых ученых отвергались по тому критерию, что они имели сходство с теориями, поддерживаемыми официально в период идеологизированной науки (такая ситуация имела место в педагогике).

Нельзя не сказать и о разрыве связей с мировой наукой, что не могло не повлечь отставания и определенного застоя. Отсутствие контактов с коллегами ставило большие трудности пред отечественными учеными, которым приходилось решать собственными силами те проблемы, над которыми мир работал сообща. Соответственно, невозможно было и признание наших ученых за рубежом.

Кроме того, был нанесен большой ущерб имиджу страны. Благодаря идеологизации науки, для интеллигенции Запада СССР надолго еще оставался страной победившего марксизма - ленинизма и Лысенко.

Список использованной литературы:

1. Грэхем Л.Р. Естествознанис, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1991. -480 с.
2. Юлдашев Л.Г. Исповедь идеологов. Размышления о книге. Наука и клать. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М : Наука, 2001. 319 с.
3. Максимов Л Л. Об одном философском кентавре // Литературная газета. 1948. 10 апреля.
4. Вопросы философии. 1947 №2
5. Вопросы философии. 1948. №3
6. Сонин Л С. Несколько эпизодов борьбы с "космополитизмом" в физике// Вестник РАН, 1991, т.61, №12, с. 103-114